

ЕКАТЕРИНА БАРБАНЯГА

Границы

Екатерина Барбаняга

Границы

«Издательские решения»

Барбаняга Е.

Границы / Е. Барбаняга — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937103-4

Дневники — причудливый пережиток прошлого или мистическое воплощение души на бумаге? В любом случае, они хранят сокровенное и потому притягивают любопытных больше приевшихся сплетен. Незнакомая девушка оставляет на осеннем болгарском берегу тетрадь, полную откровенных признаний. Что таится за этими строчками, какая история, какая реальная боль? Чужая жизнь всегда так притягательна... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-937103-4

© Барбаняга Е.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	13
5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Границы

Екатерина Барбаняга

«...Я положил песок границею морю, вечным пределом, которого не перейдет: и хотя волны его устремляются, но превозмочь не могут; хотя они бушуют, но переступить его не могут».

Книга пророка Иеремии, гл.5 ст.22

Фотограф Мария Арсеньева

© Екатерина Барбаняга, 2019

© Мария Арсеньева, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4493-7103-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Дневники не прощают легкомыслия и предательства. Впрочем, как и мужчины... Может быть, во мне сейчас больше злорадства, чем здравомыслия, и совсем не стоит кого-либо судить сгоряча. Но, позвольте, что за старомодная привычка быть верной ежедневному ритуалу «переливания» себя в бумагу, что вообще за старомодная привычка быть верной? Я бы могла принять всё это за милую причуду, если бы так не сквозило в её исповедальной манере что-то сродни самоуверенности и превосходству. С другой стороны, не зацепи меня это, вы бы и вовсе ничего не узнали о ней. История, конечно, банальна «донельзя» (так и просится написать что-то в этом роде, ибо (ну вот, опять) сама героиня явно не из нашего века, со своими идеалами и принципами), но история по-своему очаровательна и, что уж мелочиться, весьма поучительна.

Начало определить нетрудно, хотя фактическая дата, указанная в дневнике, ему совсем не соответствует. Всё, что в этой жизни начинается, начинается с пролога, даже если он написан лимонным соком на бересте. Пригрейте на солнышке – и сами увидите. Весьма любопытный процесс! Так вот, история её «искушения» (это не моё определение, см. стр.13 дневника) началась ещё весной, когда Москва обрушилась на её маленькую, скучающую головку наглым ливнем у порога Цветаевского музея в Борисоглебском. Звук, с которым всё внутри открывалось после зимнего томления, был похож на хлопок отлетающей пробки. Надо бы сюда приписать ещё несколько ничем не связанных между собой образов, чтобы общая картина происходящего предстала вам со всех сторон. Объёмная картинка с эффектами живых запахов и звуков. Громыхание стройки, раскаты грома и невольное напоминание о себе полусонного сердца. Это было именно так. Резко, с ударяющим по лёгким запахом внезапной сырости, от которого с непривычки начинаешь немного подкашливать. Я, например, легко могу себе представить, что с ней творилось.

Молодая замужняя женщина двадцати четырёх лет, новоиспечённая мать, возвращающая первенца в съёмной однушке в Медведково... Которую и в Москву-то занесло как будто по ошибке. Первые месяцы её не отпускал инерционный нервный смешок. Обострение прошло и стало понятно, что смешок грозит перерасти в хронический, если не начать оукливать в новой обстановке. Она и начала. Она вообще, судя по дневнику, большая умница, так что процесс оукливания, я думаю, занял у неё не больше двух-трёх месяцев. Уже первая зима в столице прошла спокойно – в глубокой консервации. Кстати, она тут упоминает забавный случай, произошедший той зимой. Это вам в качестве лирического отступления. Рассказ будет длинный, давайте немного отдохнём.

Некий очень известный голливудский актёр, а, впрочем, вполне конкретный – кумир девочек 90-х сексапильный Геракл, Кэвин Сорбо, давал в Москве под Новый год VIP-ужин. Ценник на место за столом звезды в рублёвом эквиваленте (в тысячах) переваливал далеко за десятку, однако её подругу (поклонницу, естественно, бессмертного таланта) это не остановило. Сколько месяцев подруга копила на «взгляд звезды», неизвестно, но билет был выкуплен за полгода до Ужина, и в ночь перед днём икс подруга приехала в Москву.

– Валька! – закричала она, встречая подругу в дверях обшарпанной съёмной каморки. – Как классно, что ты приехала! Новый год хоть нормально встретим, уложим мелкого и поиграем во что-нибудь. Нам тут подарили несколько настолок, но вдвоём как-то скучновато, да и некогда.

Подруга, вся насквозь пропитанная предвкушением долгожданной встречи (отнюдь не с ней, а с секс-символом своего детства), машинально кивала головой и улыбалась. Она сочла это хорошим признаком и со спокойной душой отпустила подругу вечером следующего дня на Ужин. Здесь надо бы отметить, что подруга была совсем не из смазливых тупых фана-

точек, которыми Кэвин на своем веку «наелся» досыта. Валентина даже в своей странной привязанности к актёру, в своей несвойственной ей фанатской зависимости, оставалась умной, образованной и харизматичной личностью. К тому же обладала красивой фигуркой и милыми чертами лица. Как выяснилось довольно скоро, уже через несколько минут заветного Ужина, железный Кэвин был пленён, и вечер обещал закончиться весьма пикантно.

– Срочно! Срочно! Это очень срочно! – кричала Валька ей в трубку в полдвенадцатого ночи, – Скажи, что мне делать? Он предлагает мне остаться у него.

– Не вздумай! Быстро дуй домой! Валя! Ты же не шлюха какая-нибудь, чтобы после первого ужина!

– Ладно. Еду.

В этот раз Кэвину пришлось уступить ей Валентину, но на следующий день он выманил её снова к себе. Это был уже не ужин, а обед. Обед накануне Нового года. Пиар-менеджер Кэвина не простила Валентине такой скорой победы, поэтому наедине побыть им уже не удалось. Валя приехала в Медведково задумчивой и грустной.

– Знаешь, я тут подумала... Ему там так плохо, среди своих менеджеров, секретарей, переводчиков... Как ты смотришь на то, чтобы пригласить его встречать Новый год с нами?

Наша героиня, не лишённая чувства юмора и спасительной самоиронии, мучительно огляделась, пытаясь представить знаменитую голливудскую звезду в предлагаемых Валентиной декорациях. Крохотная квартирка с крохотной кухней, на которой кроме половинки гниющего дивана (вторую половину они с мужем запихали в кладовку вместе с обсыпавшимся ковром из прихожей) и сложенного в квадратик стола ничего не помещалось. Детский стульчик раскладывали в комнате и складывали каждый раз после кормления сына. Самым приличным местом в квартире считалась ванная комната, но сейчас в белоснежной ванной замачивалось заблёванное накануне сыном постельное бельё.

– Да, Валя... такой Новый год он на всю жизнь запомнит.

Конечно, никто Кэвина в Медведковские апартаменты «а`ля рус» в итоге не пригласил, так что пришлось встречать новые надежды и заливать коньяком неоправданные за прошлый год в грустной скромной компании. Потом, в сентябре, на самом пике своей любовной агонии, она чуть ли не в ногах просила у подруги прощения, что заставила её отказаться от ночи с Гераклом.

– Боже мой, теперь тебе и внукам рассказать будет нечего! Может, единственный шанс в жизни был решиться на сумасбродство. Я тогда так боялась за твою душу, а теперь понимаю... всё херня это, Валька! – и плакала горько, как никогда, совсем не о подруге и её упущенных возможностях.

На самом деле, я не просто так не называю её имени. Я его попросту не знаю: ни на титульной странице, ни где-либо на полях оно не значится. На правах рассказчика, я бы могла выдумать для неё что-нибудь эпатажное, с чем она вошла бы в мировую литературу, но не хочу. Пусть останется безымянной. В этом даже есть какая-то романтическая прелесть, будто безымянность – это полупрозрачная материя, а её самой, может, и вовсе не было. Я понимаю, чем мне грозит такая лингвистическая беспечность, но рискну, а там как получится. Если что – вы знаете, куда присылать свои гневные письма.

Итак, вернёмся в весеннюю Москву и внезапно обновлённую обстановку душевного странствия нашей героини. Если, выходя из вестибюля Арбатской, она ещё слабо себе представляла, чем закончится для неё этот «выход в свет». То, входя в тот же вестибюль спустя четыре часа, она точно знала, что случилось что-то непоправимое. Хотелось открывать рот и заглатывать воздух порциями огромной шуки, хотелось всматриваться в детали украшений домов и станций метрополитена, хотелось улыбаться всем подряд и чуть ли не обниматься. Что-то явно приоткрылось в ней опасно широко и закрыть обратно ни у кого бы не хватило

сил и сноровки. Так и летела она домой – вдохновлённая к приключениям и чему-то невероятному, что вот-вот случится. Ох, как бы мне сейчас помог этот банальный образ вырвавшейся на волю бабочки, сбросившей свой кокон как старое тряпье. Только бабочка оказалась совсем ещё не окрепшей, хиленькой такой. И первый же ветерок настойчивого мужского внимания и взаимного чувства сбил её и припечатал к сырому болгарскому песку надолго.

Есть ещё, по крайней мере, две вещи, о которых следует упомянуть прежде, чем перейти к основному сюжету рассказа. Две книги, которые легли в основу её будущего смятения и приготовили чудесную почву для семян обречённой любви. Я бы никому не советовала такого ядрёного коктейля: из «Чайки» Чехова и «Анны Карениной» Толстого. Тем более залпом, тем более в таком состоянии, едва различая свет солнца от света лампы подслеповатыми после «кукольной» темноты глазами. Хрупкая, но всё-таки жаждущая испытать свои силы, она начала примерять на себя судьбу обеих героинь.

Вот она Каренина, по зову сердца сбежавшая от мужа и маленького сына. «Но как? Как можно просто взять и так безрассудно влюбиться? Ладно, влюбиться можно. Запросто. Чувства штука неподконтрольная, но ведь есть жизнь, обязанности, ответственность, в конце концов» ... Закрывала глаза и представляла себе первый запретный поцелуй, а потом лёгкие касания чужого мужского тела, красавца Вронского, обнажённого по пояс. «Нет! Никогда! Это подло», – краснела и откладывала книгу на несколько дней. Но вот она уже Нина Заречная, лёгкая и легкомысленная, бросающаяся в объятия кумира. Женатого мужчины! «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми её...» А потом – падение, падение и падение... и всё-таки любовь, странная, роковая, запретная. «Возьмите же уже, наконец, хоть кто-нибудь мою жалкую жизнь! Я буду вашей чайкой...». Она бы сыграла Заречную, единственную желанную роль в ненавистном ей институте театра. Ради «Чайки» она бы вышла на сцену, прочувствовала, прожила бы эту отданную в жертву жизнь... Никто не звал её на сцену, а вот в любовное приключение желающие нашлись.

2

«Я никогда не думала, что воевать с собой так сложно, не на выдуманном, игрушечном поле боя, а по-настоящему. Когда твоё двоемирие становится явным, начинается наступление: морали на желание наслаждения, обрётённого покоя на жасжду приключений. Бунтарь и семьянин – как вы уживались вместе? Так страшно вдруг осознать неизбежное – необходимость выбора. Всё начало бушевать во мне вместе с ночными бурями на незнакомом побережье. Как это случилось? Как наступила, чуть-чуть повременив, та дикая агония летних ночей? Сейчас, когда выбор сделан, можно что-то понять. Но никогда не станет ясно – правильный ли это был выбор.

Всё вертится в голове то киношное танго «Утомлённое солнце нежно с морем прощалось...», шарманка – снова и снова, заведённая ещё в Варне. Словно гимн всему произошедшему. Как будто всё в этих строчках, в этой мелодии: сказано и выстрадано, но всё было совсем не так! И песенка эта ничего не отражает. Никто не говорил, что «нет любви», никто не прощался под лучами «утомлённого солнца», и вины не было совершенно никакой, ничьей. Да и вообще о любви не было сказано ни слова. Но почему-то так настойчиво: «Утомлённое солнце...». Наверное, в ней сама суть, звук, плачь, танец волн, бьющихся о болгарский берег.

Потом, уже в посттравматическом состоянии пришла другая песня. Та самая, которая появилась в моей жизни раньше, чем я смогла её прочувствовать. Теперь всё точно, 100%-ное попадание: «...Всё передумываю снова, всем перемучиваюсь вновь». Цветаевские стихи. Какая ирония! Ведь всё началось тогда, в мае, именно с её стихов и её дома в Борисоглебском переулке, с того ливня и (так кстати!) бесплатного билета в музей. С маленькой угловой комнаты, украшенной шкурами и портретом юного Наполеона. Это была настоящая весна, пробуждение, вихрь, задевший неподвижную, отяжелевшую за зиму коробочку, в которой я уже была готова провести и весну, и лето. Но жизнь, легкомысленная и мудрая одновременно, уже несла меня в направлении не от меня, как прежде, а ко мне. Возможно, не слепой, а немного подслеповатой, мне поначалу виделись только очертания и совсем не верилось в возможность чего-то особенного, что должно случиться.

Знакомая лёгкость пятилетней давности вдохновляла на новые строчки, дарила какую-то необыкновенную надежду на расцвет и долгожданную встречу. Предвкушение не обмануло меня, в уже готовую клетку, украшенную ландышами и сухими колосками, впорхнуло новое чувство. Такое трепетное и живое, с маленьким пульсирующим сердцем, что всё сознание невольно умилилось и замешкалось. Так я очутилась наедине с неведомым.

Как клубок дорогих нитей, жизнь разматывала передо мной новые возможности. Я просто принимала, не задумываясь, кружась внутри развивающихся событий. Часто ли мы пытаемся их осмыслить на ходу? Я не пыталась, я просто жила. Уже в первые летние месяцы свобода внутри меня показывалась в манерах, взглядах, осанке, даже новых стихах, которые зимой совсем не писались.

Неизбежное случилось не сразу и не так, как мне грезилось. Впервые взлетев на большом самолете, я загадывала желания, одно за другим, соскучившись по счастью. Даже если я сотней слов опишу, что творилось тогда в моей душе, не будет виден масштаб. Слова будут слишком лёгкими, чтобы что-то обозначить, слишком эфемерными, они не коснутся реальности. Между непрерывным монологом чувств и обстоятельствами действительно такая тесная связь, что одно без другого ни о чем не скажет. Обстоятельства же мои были таковы: пять лет замужества и два года материнства, которые должны были стать основой моего отношения к жизни, существовали где-то отдельно от меня. Мне по-прежнему верилось в возможность одиночества и независимости. Тем не менее материнские повадки

как врождённые рефлексy стали частью моей натуры. Я думала, что такие вещи не украшают женщину в глазах посторонних мужчин. Но оказалось, наоборот. Эта мягкость, нежность и самоотверженность придают особый оттенок каждому движению. Это завораживает и пленяет мужчину...»

3

– Лена! Мы это сделали! Юхууууу! Наша первая заграница, ты веришь, веришь в это?! – она бросалась на шею сестре, которая едва удерживала на руках годовалую дочь, две сумки с детскими игрушками и рюкзак с диетической едой и пледом.

– Дааааааааа! – всё-таки выдавила из себя сестра. – Держи ребёнка крепче, а то оба упадёте!

Выход из самолёта – в солёный предгрозовый плотный воздух, как высадка на луну. Всё, нет больше ничего, что было «до», мы существуем здесь и сейчас. Чувствуй! Запоминай! Дыши, глубоко и размерено. И улыбайся.

– «А ты танцуй, дурочка, танцуй! И улыбайся...» Ну ты только посмотри, Лена! Какой кайф. Там же море, вон. Оно даже в воздухе, Чёрное море! – эйфория, конечно, состояние не продолжительное по времени, но её «заклинило» прилично. И в машине, и у гостиничного домика, и поздно вечером у бассейна, и ночью, дыша духотой под потолком на втором этаже двухъярусной кровати, она всё никак не могла перестать улыбаться. Ах, дурочка моя, «тебе это, действительно, идёт...»

Первые же утренние лучи болгарского солнца высушили отсыревший за ночь песок и прилегающие курортные территории. Море! Всем хотелось скорее увидеть море. Рвались идти к нему ещё ночью, но ливень, усталость и дети. Здесь надо немного расширить экран нашего повествования, чтобы вы смогли бы увидеть, кто собственно такие эти «все». Поистине, цыганский табор! Бабушка, тётя, дядя, два брата и две сестры с маленькими детьми-погодками. Я искренне восхищаюсь её изобретательностью: при таком обилии посторонних глаз и ушей она всё-таки умудрялась почти каждую ночь вырываться к нему на свидания. Настоящая плутовка, а строит из себя невесту что: неземное создание с чувствительностью мимозы.

Сбор игрушек, подстилок, полотенец, вещей, детских памперсов, салфеток, запасных трусов и панамок, намазывание кремом от загара себя, сестру, детей, поедание каши на ходу из тарелки сына, попутно кормление сына, поиск бутылок для воды... О, эти ежедневные утренние процедуры курортников! Её колотило от предвкушения встречи с желанным. Речь ещё пока не идёт о мужчинах, только о главной её любви – и здесь я впервые отброшу свой пренебрежительный тон и скажу тихо, уважительно, с придыханием, будто говорю о своей собственной мечте – она готовилась к свиданию с морем. Не видя перед собой ничего, кроме пыльных извилистых дорожек и островков травы, она бежала к пляжу. Толкая нагруженную детским барахлом коляску перед собой, смотрела вперёд, и вдруг кто-то сзади выцепил её взглядом из толпы курортников. Она не обернулась, не посмотрела сама, просто почувствовала, что кто-то её приметил.

– Плевать! Пусть пялится. Нет во мне ничего, что может вот так сходу кого-то зацепить, не любовь же с первого взгляда в затылок! Потом! Всё потом! Разберёмся позже, – и сторбившись над коляской, рванула ещё быстрее.

Кто родился у моря, знает, как невыносимо жить без него. Это врождённая наркомания, ген, провоцирующий мучительную тоску, солёные сны и миражи, как следствие городского обезвоживания. Хорошо, что никому из этих несчастных не надо сдавать тесты или анализы, выявляющие степень инфицирования морем, она бы казалась несовместимой с жизнью. Но они живут, создают семьи, строят дома и страдают, и рвутся к нему, и не могут насытиться им за короткие свои отпуска. Видимо, её тоже угораздило родиться на побережье. Я даже испытываю нечто вроде радости за неё в том, что касается её первого свидания с морем. Оно было идеально. Прохладное и ласковое, нежно поглаживающее живот и бедра... Не мудрено, что после моря ей захотелось мужчину. Все её чувственные рецепторы были обнажены и искали новых прикосновений, уже более грубых и страстных, чем сонные ласки волн.

Через несколько часов они с сестрой и двумя, сморенными на солнце детьми, возвращались в гостиницу. С удивлением она оглядывалась по сторонам, осознавая, что ничего этого не видела утром. Например, что дорога проходит через территорию какого-то бывшесоветского санатория со столовой и кафе, тремя детскими площадками, велослужками и теннисным кортом.

– Классно как! Здесь так красиво! Вообще, ты чувствуешь, как пахнет? Мо-о-орем... и сладким чем-то. Наверное, солнечным джемом! – она отцепилась от коляски и вцепилась в плечи сестры. – Ленка! Ну разве ещё месяц назад можно было предположить, что мы будем с тобой... вот так – гулять под жарким-жарким солнцем Болгарии в ста метрах от моря. Мне кажется, будто я сейчас где-то за границами собственной жизни, а не только «территории проживания»! Какая-то лёгкость, не отягощённая гравитацией...

Они старались идти медленно, но привычка вечно куда-то спешить периодически «давала им пинка», и они зачем-то прибавляли ход, потом снова замедлялись. Она всё ещё говорила что-то восторженно-романтическое своей сестре, когда вдруг почувствовала, как её снова «выцепили» и отставили в сторону от общего потока.

– Кто это делает? – она резко посмотрела прямо перед собой и увидела чёрные, наглые глаза, беззастенчиво смотрящие в неё. Именно «в неё», не «на». Нет, это ещё был не он, не герой нашего рассказа, не вторая половинка формулы «X+Y». Это был «заклинатель», их будущий сводник и поверенный, но именно он открыл её для него.

– Девушки! Вы сегодня обворожительны! Как ваши дела? Вы только приехали? – он говорил практически без акцента, как-то умудряясь просто и заинтересованно задавать банальные вопросы. Она смотрела на него так же прямо, как он на неё. И хотя слова предназначались им обоим, именно ей он протянул руку, чтобы познакомиться. Но вначале зачем-то стянул ёлтый детский круг с её плеча. Она легко отпустила круг, не задумываясь над движениями.

– Если кто-то захочет тебя украсть, ты так же легко себя отпустишь? – и она поняла, что отпустит. Так он посмотрел на неё и так сказал это, что сестре стало не по себе. В попытках уберечь младшую, сестра обратила его вопрос в шутку и назвала своё имя.

– Елена. Запомнить легко, как название вашего курорта: Константин и Елена. Только без Константина.

– А тебя как зовут? – он будто проигнорировал сказанное только что. Но потом резко повернулся к сестре и задорно произнёс, – Меня зовут Тони! Очень приятно. Вы из России, да? Мы думали, русских в этом году будет меньше, чем обычно. Но не подумайте ничего плохого, мы вам очень рады!

Выйдя из оцепенения, она наконец заметила, где они стоят: у ларька с фруктами. А он, значит, продавец фруктов! Девушки купили несколько груш, яблок и плодов инжира. Когда она увидела этот манящий с детства фрукт, который знаком был ей только по обёрткам шоколадок и йогуртов, поняла, что совсем пропала. Инжир, море и Тони... всё, что ещё вчера утром казалось недостижимым, лежит перед ней – на том самом блюдечке с голубой каёмочкой. Бери и наслаждайся. Но страшно... как же страшно рядом с ним. Украдёт ведь по-настоящему.

На следующее утро ей уже казалось, что она влюблена.

4

*«Изумрудные твои волны
Затопили мой берег.
Может быть, я сама, невольно,
Выделяю тебя из всех.
Может быть, поддаюсь не глядя,
В малословной игре двоих,
Оттого даже в смелом взгляде
Моём искренний страх притих.
Я вопросов твоих, столь льстивых,
Как манящих огней боюсь,
Мне всё кажется, что красивых
Всех ты выучил наизусть.
И меня, как стекла обломок,
Подбираешь на берегу,
Но не знаешь, насколько тонок
Мир, который я берегу.
Словно бабочка, сердцем, чувством
На любой огонёк лечу.
До утра, как в прибрежном буйстве,
Я в тревоге своей мечусь».*

– Мне кажется, ты как-то слишком гладко пишешь... слишком просто. Нет внутреннего движения, шероховатости, не за что зацепиться. Жизнь же сложнее, – сестра никогда не щадила её, бросая критику, как хлопья в тарелку с молоком.

– Наверное... – она смотрела между написанных строк и чувствовала, что только привычка сопротивляться чужому влиянию сейчас не даёт ей согласиться с сестрой. Ей самой уже до одури хотелось этих трещинок, зазубринок, дырок и рваных лохмотьев в своих стихах. Она, умница, «спортсменка, комсомолка» понимала, что уже подошла довольно близко к границам, за которыми рассыпается закрепощённость. – Наверное, ты права, жизнь сложнее...

Тони делал это снова и снова – выхватывал её из толпы глазами, заставлял обернуться, задавал пугающе откровенные вопросы. Она уже была готова идти за ним, только бы пригласил, куда угодно. В любое время ночи: днём он работал, заигрывая с каждой второй потенциальной клиенткой, но совсем не так, как с ней. Её он желал сильнее, но этим и отпугнул. Был бы чуть внимательнее к её кукольному существу, увидел бы, на каких тонких нитях она качается, проявил бы терпение, и всё бы было. Но он перетянул и... сорвалась рыбёшка.

– Пожалуйста, не смотрите на меня так! Вы меня пугаете, – чуть ли не первые её слова, сказанные ему за неделю знакомства. Она здесь, конечно, вела свою игру, но тоже не рассчитала. Её вины в этом совершенно никакой, просто впереди было уготовано нечто более существенное, и судьба потребовала жертвы. Отдать шашечку, чтобы выйти в дамки.

– Мы вас пугаем? О, простите, мы совсем не хотели, мы не хотим вам ничего плохого, да, Петэр? – сначала она подумала, что он издевается, отвечая на её вопрос местоимением «мы», но когда он произнёс другое имя, она наконец вышла из Тониного гипноза и увидела *его*.

Он работал здесь, рядом с Тони, все эти дни. Торговал в соседней лавке надувными кругами, сувенирами и другим пляжным ширпотребом. Его лимонные шорты были видны всем курортникам ещё издали, как только они выбирались из чащи санаторной территории. Заво-

рачивали за угол и – вон на горке, «лимонные шорты» вежливо обслуживает клиентов. Она даже вспомнила, что они покупали в его лавочке пару детских бассейнов в первые дни. Банальный, подтянутый красавец: торс спортсмена, лицо отсутствующее, но доброе, небольшая копна чёрных кудрявых волос... Нет, она бы не обратила внимание на такого. Всё, что будет пользоваться популярностью, не её вариант. Она как будто заранее знала, что такие манекены с красивой улыбкой не будут тратить душевные силы, чтобы разглядеть её красоту. Так к чему же ей тратить свои на них? Но странно всё-таки, что она совсем не почувствовала этого «мы», существовавшего с самого начала. Значит, они «рыбачат» в паре?

– Петэр, мы ведь не хотели напугать девушек?

Он мягко, совсем не как Тони, посмотрел на неё. Нет, не верится, что они заодно. Кажется, он хороший человек, без примеси этой чертовщины, которая сквозит во взгляде другого.

– Простите, если вы так подумали, – по-русски он говорил хуже другого, каждое его слово звучало угловато, обрывалось, останавливалось на полпути к окончанию. Но то, как он построил фразу, она про себя отметила. Не так уж прост манекен...

Как они быются, эти волны! Панически, с какой-то нервной настойчивостью. Так болезненно... а потом отступают, забываются... и снова. Днём и ночью. Но ночью особенно остервенело, отчаянно. Она отождествляла себя с этими «шизофреничными», бессмысленность их наступления казалась ей такой романтически трагичной. «Боже мой, как во мне, будто во мне они бушуют, поднимаются от поверхности и быются о скалы моих границ. Глупые волны, уймись, уймись!» – причитала она, задерживаясь у пролётов, открывающих вид на каменный берег. Песочный пляж остался немного в стороне: прогулка оказалась непредсказуемо долгой. Дети спокойно спали под бабушкиным надзором, и это дало возможность сёстрам отправиться на ночную разведку по территории Курорта.

– О, да здесь есть даже «шишечный лес»!

– Это вообще-то сосновый бор, – сестра поправляла её машинально, на самом деле, ей было «до фонаря», как она называла вещи. Сейчас им обоим было так хорошо, что они просто плыли по узеньким тропинкам и асфальтовым проездам, дыша хвоей, шелковицей и розами.

– Послушай, мне кажется, ты слишком романтизируешь этого Тони, обычный торгаш. И как он смотрит на тебя... будь аккуратней, пожалуйста, – сестра всегда была более прагматичной, особенно в вопросах чувств и отношений. Хотя разница в семь лет больше ни в чём другом себя не выдавала.

Одинакового роста и телосложения, они напоминали скорее подружек-ровесниц или погодок, но даже зная, что кто-то из них старше, никто бы со стороны не угадал, кто именно. Иногда одна покровительствовала другой, иногда наоборот. Только она знала, что Лена во многом права. Жизненный опыт сестры, в том числе в отношении мужчин, мог ей только сниться.

– Я не знаю, честное слово. С одной стороны, да. Все эти его взгляды и намёки довольно мерзки, отдаёт чем-то базарным. С другой, во мне же что-то ожило, потянулось к нему... Он словно околдовал и не отпускает. Я сама чувствую, как преображаюсь внутри, открываю и перерываю нутро спрятанного ранее тайника. Я... понимаешь, я чувствую себя привлекательной, желанной, когда он на меня так смотрит. Сексуальной, в конце концов. Такой я вообще себя никогда в жизни не чувствовала.

Сестра остановилась и хитро прищурилась, повернув голову в её сторону.

– Ах, вот оно в чём дело! Моя сестрёнка выросла... Ты когда-нибудь смотрела фильмы Тинто Браса? По-моему, тебе будет полезно. Может, найдёшь в себе женщину, раз тебя потянуло в эту сторону...

Именно сестра, что вполне логично, была источником её обрывочного сексуального образования. Впервые старшая обратила на неё внимание, когда ей исполнилось шестнадцать. У неё

уже был третий по счету официальный ухажер, она смотрелась довольно взрослой и рассуждала своеобразно, с оттенком собственной индивидуальной манеры. Оказавшись один на один, они вдруг обе поняли, что детство кончилось. Мужиков, как тетрадки и карандаши раньше, она воровать у неё не будет, делить одну кровать на двоих и спорить, кто с краю, тоже уже не придётся. Значит, можно и поговорить и даже, что казалось тогда ещё смутной перспективой, подружиться.

Сестра частенько проверяла её, задевала, глупенькую свою романтическую младшую, у которой первая связь с мужчиной осталась в памяти чем-то смутно напоминающим «изнашивание бревна». Она всегда тянулась к запретному, к интимному и даже отчасти – к развратному. Но, мамочки, как же она прелестно краснела, когда обнаруживала в себе этот интерес.

Она понятия не имела, кто такой Тинто Брас и каков жанр его творчества, поэтому послушно запомнила. Обязуя саму себя непременно посмотреть его фильмы. Женщину найти в себе очень хотелось: она сама понимала, что ущербна в свои двадцать четыре. Вроде и жена, и мать, но такая ещё, в сущности, девочка.

Курортные романы – такое же банальное явление, как красавцы в лимонных шортах, флиртующие со своими красавицами. В кого ни плюнь – каждого задело, у кого, конечно, вообще была возможность посетить курорт. Так она рассуждала. Это просто выжимка из огромного количества сопливых страниц, потому и без кавычек. Она как-то уж очень примитивно анализировала жизнь и чувства других людей. Всё время противопоставляя себя всему банальному, но, вот тут я даже себя не одерну, попалась как самая обыкновенная дурочка. Даже, может, ещё страшнее – как дурочка с претензией на богатый внутренний мир.

5

– Лена, ты видела, на той стороне, за палатками какой-то крест над домом. Не могу понять, это православный или католический. Что у них вообще в Болгарии, католицизм?

– В Болгарии, вроде, Православная Церковь...

Сёстры обогнули спящую торговую зону и подошли к небольшому одноэтажному монастырю. Она довольно хорошо разбиралась в религиозных вопросах, так что согласилась с сестрой, что монастырь православный. Правда, он совсем не походил ни на один из тех, в которых ей приходилось бывать. А в этой области опыт у неё был не меньше, чем у сестры с мужчинами.

– Как ты думаешь, что за монастырь, в честь кого?

– Вполне логично, что Константина и Елены... было бы странно, если бы единственный монастырь на территории курорта «свв. Константина и Елены» носил бы другое название.

– Твой, стало быть, монастырь...

– Ха-ха! Ладно, пошли уже домой, и так загулялись.

– Подожди минутку... – странная мысль созрела в этот момент в её нельзя даже сказать, что голове... мысль абсолютно дикая для любого, даже не воцерковлённого человека. Она почувствовала, что хочет попросить, может попросить. У Него Одного того, что Он бы не ободрил никак. Она отошла от сестры и встала спиной к каменным горчичного цвета стенам монастыря, закрыла глаза и прошептала: *«Прошу тебя, дай мне его, помоги мне понять, что я живая. Я ничего сейчас так сильно не хочу, как его. Который сможет вместе со мной любить всё это... Дай мне новое чувство, пожалуйста... дай мне любовника...»*

– Ты чего это делаешь? Пошли! – сестра не слышала её слов, но чувствовала, что младшая уже впустила в свою жизнь крошечные молекулы безумства. Как любые молекулы, они размножаются в прогрессии и очень быстро.

– О, красавицы! Как дела, как настроение сегодня? – Тони окликнул их на следующий день, когда они собирались тихо улизнуть от семьи, чтобы разыскать в округе грушевый сидр.

– Тони, может ты нам поможешь? Здесь где-нибудь продают сидр?

Ей показалось, что даже фрукты на прилавке Тони задумались. Настолько близко он принял их просьбу, и искренне пытался вспомнить ассортимент алкоголя ближайших маркетов. Потом, извинительно разведя руками в стороны, сказал:

– Могу показать, где у нас магазины – вверх по дороге, но не в сторону монастыря, а левее – там может быть, но я точно не знаю. Никогда не покупал сидр. Это ведь почти компот.

– Ну да, как раз по нам. Спасибо!

На обратном пути они с сестрой разошлись. Она бежала вниз по дороге, пряча добычу в жёлтой тканевой сумке с надписью: «А всё-таки хорошо, что коровы летают...» И чувствовала себя этой самой коровой, порхающей на сорокоградусной жаре с пятиградусным счастьем подмышкой. Они с сестрой не ходили на алкоголичек, да и «употребляли» на самом деле редко. Сестра ещё кормила грудью, а она закончила кормить год назад. Они были просто двумя мамами на отдыхе, которых сразу же тянет выпить, будто это первый признак свободы и независимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.